

Сергей Котелко

Шахский дворец*

Одна из немногих фотографий, где можно рассмотреть дверь и лестницу
(у двери стоят двое, один из которых, видимо, лакей)

Обратите внимание на окна дворца: они сделаны на английский манер – из двух половинок, верхней и нижней. Чтобы открыть окно, надо было поднять нижнюю половину вверх. Кстати, это также отличается от изначального плана Гонсировского – на представленном им в 1851 году плане окна обычной классической схемы.

* Окончание. Начало в кн. 79.

Вот на этом месте когда-то была дверь и лестница для выхода на террасу. Сейчас выхода из дворца на морском фасаде нет, нет ни двери, ни лестницы

Фрагмент литографии Гросса. Видно, что терраса в середине XIX века была явно не мощеной, а засажена молодыми деревьями или кустарником

На этом фрагменте более поздней фотографии, предположительно конца XIX века, видно, что все деревья с террасы убраны. Справа хорошо видна стена, отделявшая особняк Бжозовского от соседнего

А на этом фрагменте еще более поздней фотографии, сделанной уже после 1909 года, видно, что по периметру террасы установлена ограда

Об интерьере дома, к сожалению, можно сказать не так уж и много. Он сильно пострадал во время реконструкции, проводившейся архитектурным бюро Повстанюков для помещавшегося здесь некоторое

(Collection of Henryk Grocholski)

время банка. Известно, что в здании были бальный зал, домовый театр. В здании сохранились мраморные лестницы, некоторая отделка залов – например деревянными панелями, потолки со стилизованными крабами... Был также и зал, оформленный в модном тогда мавританском стиле. Именно этот зал – едва ли единственный, по которому удалось найти старые фотографии: они датируются 1870-м годом. На них изображен граф Тадеуш Генрихович Грохольский, помещик из Стрижавки, что в Подольской губернии, и по совместительству художник. Именно он участвовал в росписи «Мавританского зала» дворца и запечатлен во время этого процесса. Эти две фотографии мне прислал граф Генрик Грохольский, потомок графа Тадеуша.

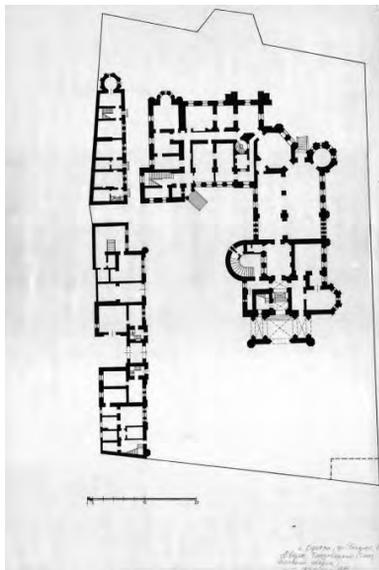
Есть, правда, еще две фотографии, но о них несколько позднее.

Через три года, после того как были сделаны эти две фотографии, а именно 16 июля 1873 года наследник Зенона Карло-

вича Белина-Бжозовского, Иван Зенонович (Jan Tadeusz Brzozowski z Brzozowa h. Belina (1844-1908)) женится на сестре графа Тадеуша Грохольского, графине Елене. А еще через два года, в 1875 году, Тадеуш Грохольский напишет тот самый очень образный портрет князя Тадеуша Сангушки, который вы могли видеть выше.

Приезжая из своей Соколовки в Одессу, Бжозовские жили достаточно обособленно от города и его суеты – вы нигде не найдете упоминания о каких-то балах или вечерах «у Бжозовских» в Одессе. Не найдете вы и Бжозовских среди чинов местного самоуправления или в общественных организациях. Но обособленность эта была польской, потому что для многочисленных проживавших в Одессе поляков дворец Бжозовских был своеобразным центром, где они могли встречаться. В современных нам описаниях дворца что наших, что польских (например, этим грешит польская Википедия), часто встречается указание на то, что в гостях у Зенона Карловича Бжозовского гостил его давний знакомый, польский поэт Юлиуш Словацкий, – возможно, он был бы и рад погостить, да вот только умер еще в апреле 1849-го, до начала строительства дома...

Это план дворца, хранящийся в библиотеке им. Заболотного в Киеве. Он ценен тем, что на нем видна старая планировка внутренних помещений, есть даже винтовая лестница и лестница, о которой я говорил, – выходящая из башни на террасу.

План здания по ул. Гоголя, 2, в г. Одессе.
Рисунок, ватман, тушь. Чертеж С.Б. Косенко.
ДНАББ, Г14653

1882

«Раскладочная ведомость» за 1882 год отражает случившийся в Одессе кризис – дом Бжозовского, и не только он один, вся недвижимость припала в цене. Теперь его налоговая стоимость

исчисляется не в 58800, а только в 39600 рублей. Впрочем, не имея намерения свой одесский дом продавать, Зенон Карлович от этого только выиграл, так как уменьшилась и сумма ежегодного налога. Сумма в 39600 рублей будет актуальна до 1885 года, когда дворец резко вырос в цене – в 1886 году его стоимость равнялась 60000 рублей.*

24 октября 1886 года Зенон Карлович Бжозовский, в апреле отметивший свое 80-летие, подарил свой одесский дом, или «двор», как тогда было принято говорить, своему сыну Ивану Зеноновичу. Иван Зенонович, кстати, по всей вероятности, проживал именно в Одессе, после того как оттуда съехал барон Унгерн-Штернберг. Он, видимо, любил дом в Одессе, раз они с друзьями даже расписывали в нем стены, что мы видели на фотографиях выше. По этой причине или из каких-то иных соображений, отец, к тому же, чувствующавший скорый уход, решил прежде подарить этот дом сыну. Дарственная эта сохранилась.** Расскажу кратко о том, что в ней говорится. Об этой дарственной я упоминал в самом начале как о документе 1886-го года, в котором упомянуты документы 1849, 1851 и 1866 годов, проливающие свет на историю покупки Бжозовским данного участка земли. Старые документы о переходе собственности ценны как раз этим – в них обязательно будет хотя бы как-то отображена предыстория участка – как он попал в руки тому, кто его продает или дарит. А если это целое «дело», то в нем могут быть и копии этих старых документов. На этот раз только Зенон Карлович действовал через поверенного – им выступал наш старый знакомый «коллежский секретарь Викентий Людвигович Звеногородский» (теперь его фамилия написана так. – С. К.), – тот самый, кому было доверено забрать у нотариуса бумаги на право собственности, о покупке Бжозовским земли у князя Сангушко. Сделка состоялась 29 сентября 1909 года в конторе одесского нотариуса Онуфрия Осиповича Хайновского на Дерибасовской, 9. В контору к Хайновскому пришли этот самый Звеногородский и лично «дворянин Иван Зенонович Бржозовский, жительствующий в Одессе, Бульварного участка, по Надеждинской

* Раскладочная ведомость, 1886, с. 2.

** ГАОО 35-1-33772. О продаже двор. Владиславом и др. Бржозовскими графу Иосифу Шембеку двора в 1 части г. Одессы.

улице, в доме Бржозовского, в сопровождении лично ему известных свидетелей: дворянина Владислава Карловича Домбровского и отставного писаря унтер-офицерского звания Константина Венедиктовича Сикорского», причем Домбровский проживал в доме Бржозовского, был то ли приятелем, то ли служащим у Ивана Зеноновича. Нотариус записал, что пришедшие «совершают следующую дарственную запись: «Из нея доверитель Викентия Людвиговича Звенигордзкого, дворянин Зенон Карлович Бржозовский, владея собственно ему принадлежащим благоприобретенным недвижимым имуществом, двором состоящем Херсонской губернии городе Одессе, первой части, по Надеждинской и Приморским улицам, [...] дарит вышепрописанный двор со всем к оному принадлежащими строениями, обзаведениями, службами и землею, как выше сказано, или сколько таковой земли в натуре окажется, без остатка, родному сыну своему дворянину Ивану Зеноновичу Бржозовскому в полную его собственность».

В документе указана и общая площадь владения, а именно «две тысячи семьдесят восемь и семьдесят шесть сотых квадратных сажень», или 9463 кв. м. При этом там очень подробно и очень непонятно расписаны длина, ширина участков, ну а потом моя любимая приписка: «или сколько таковой земли в натуре окажется» – потому что никаких чертежей этих самых участков практически никогда не было, поэтому «сколько в натуре окажется» часто могло отличаться от того, сколько было на бумаге записано. Даритель указывает (а нотариус, естественно, это проверял), что владение «никому не продано, не заложено, никому по закону не передано и не отписано», что было, в общем, не частым явлением – ведь нормальной практикой тогда были именно заложенные и перезаложенные дома и имения. Но, видимо, то, как вел хозяйство Зенон Карлович Бржозовский, позволило ему обойтись без этого.

Далее в доверенности следует тоже интересная фраза: «Цену даримому недвижимому имуществу даритель по совести определяет в сто шестьдесят пять тысяч рублей серебром». То есть по совести это 165000 серебром, а по закону – 60000... Были уплачены все пошлины, причем достаточно большие: «Акт сей, совершенный одесским нотариусом Хайновским утвержден старшим

Иван Зенонович Белина-Бжозовский
(Collection of Henryk Grocholski)

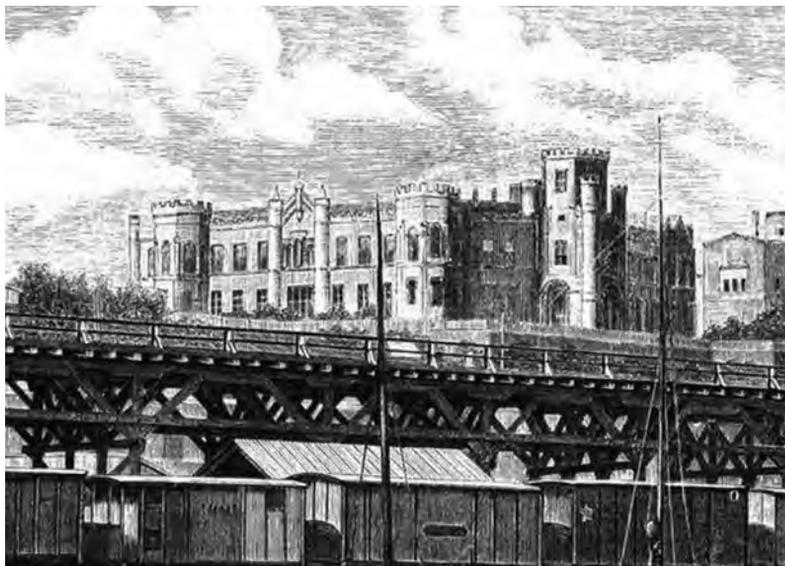
нотариусом седьмого ноября сего года, причем взыскано пошлин: актовых три рубля, крепостных тысяча шестьсот пятьдесят рублей, за выпись двадцать копеек, за печать десять копеек и на публикацию три рубля, и определил выдать главную выпись на листе гербовой бумаги шестьсот-двадцатипятирублевой цены дворянину Ивану Зеноновичу Бжозовскому [...]. Выпись [...] выдана дворянину Ивану Зеноновичу Бжозовскому восьмого ноября тысяча восемьсот восемьдесят шестого года».

Таким образом, 8 ноября 1886 года дворец перешел в собственность Ивана Зеноновича Бжозовского.

1887

5 апреля 1887 года Зенон Карлович Бжозовский умер. Он был похоронен в семейной усыпальнице Бжозовских, которая, как ни странно, находилась не в их собственном имении, в Соколовке, а в соседнем имении их родственников Собанских – Ободовке. Вот такая еще одна межсемейная связь двух родов.

Судя по всему, Иван Зенонович Бжозовский, став хозяином одесского дома, провел некоторую его переделку, модернизацию. Но должен сказать, что то, что эти изменения провел именно Иван Зенонович, – лишь логическое рассуждение, не подкрепленное документами, так как, к сожалению, точной датировки того, когда произошли эти изменения с домом Бжозовских, нет, как и нет документов, подтверждающих, что их провел именно Иван Зенонович. Их можно отследить

Фрагмент фотографии гравюры М. Рашевского «Вид пристани одесского Ллойда», сделанной после 1872 года. Малой башни нет

только по старым изображениям, и предположить, что это Иван Зенонович в связи с обычной практикой, когда новый хозяин перестраивает все под себя. Что ж, посмотрим старые фотографии разных лет внимательно. Первоначально здесь было три здания – главный Г-образный корпус и располагавшиеся за

А здесь она уже есть. Обратите внимание на конусное навершие башни – изначально оно было только здесь. В ходе упоминавшейся реконструкции для нужд банка его отсюда зачем-то сняли, зато почему-то установили на главной, угловой башне дворца. Чудны дела твои, современный архитектор!

Фрагмент фотографии «Одесса, портовый рынок»; датировано: XIX век. Из собрания ОИКМ, Ф1292.
Обратите внимание на то, что остроконечный купол у малой башни – светлый.
Можно предположить, что она была крыта железом.

дворцом два служебных корпуса. Однако позднее появляется еще один корпус, тоже служебный, но с башней, представляющей собой уменьшенную версию ба-

Так этот корпус выглядит ныне. Как видим, архитектура башни повторяет архитектуру основного здания. Сам новый корпус расположился так же, как и два предыдущих, вдоль западной границы участка, примыкая к брандмауэрной стене соседнего участка.

Все три дворовых корпуса между собой связаны никак не были, оставаясь отдельными зданиями. Это можно увидеть на приведенном выше плане строений.

шен основного дома. Все было решено в общем стиле с главной постройкой. Башня нового корпуса выходила на морской фасад.

1888

Через год Иван Зенонович снова сдал свой дом, и снова Рафаловичу – только другому, но из той же семьи. В нем поселился писчебумажный фабрикант Андрей Давидович Рафалович, член Императорского Российского технического общества (ИРТО). Интересно отметить, что, как пишет один из годовых отчетов ИРТО, «В 60-х... годах возникает первая в Одессе писчебумажная фабрика, по инициативе г-на Питансье, принадлежавшая сначала барону Унгерн-Штернбергу, а затем перешедшая к г-же Рафалович».* Мы с вами помним, что первым известным постояльцем в доме Бжозовского был барон Унгерн-Штернберг, и как раз в 1860-х гг. И фабрику он свою продал Рафаловичам. И вот следующий постоялец у Бжозовских – Рафалович, писчебумажный фабрикант. Этакая писчебумажная связь.

Елена Генриховна Бжозовская, ур. графиня Грохольская, супруга Ивана Зеноновича Бжозовского. (Collection of Henryk Grocholski)

* Отчет Одесского отделения Императорского Российского технического общества за 1895 год, с. 22.

1894

Последним годом издания «раскладочных ведомостей» был 1894. В том году дом Бжозовского был по-прежнему оценен в 60000 рублей. Кстати, интересно отметить, что так называемое Городское раскладочное присутствие, то есть ведомство, эти самые публикации делавшее, находилось прямо напротив дома Бжозовского – на Надеждинской, 1.

1899

Начиная с 1898 или 1899 года дом Бжозовского можно было смело называть домом Сухомлинова – Николай Федорович Сухомлинов поселился здесь на долгие годы. Очень интересная личность. Родился Николай Федорович 9 марта 1852 в семье крупного землевладельца Херсонской губернии. От отца он получил в наследство 21400 десятин земли. Сам же Николай Федорович смог более чем вдвое увеличить отцовское наследство, приобретя в Херсонской губернии еще 23000 десятин земли, а в Бессарабской – 488. Его владения превышали размерами таковые у Бжозовских. Огромные земельные наделы позволяли ему вести разнообразное хозяйство, в котором преобладало виноградарство, скотоводство, соляной промысел и, конечно, выращивание различных агрокультур. Его практический опыт ценили в Петербурге, куда он был неоднократно приглашаем правительством для участия в работе различных комиссий и совещаний по сельскохозяйственным, финансовым и торговым вопросам. А в 1894-1896 годах он состоял членом сельскохозяйственного совета при министерстве земледелия и государственных имуществ. В Одессе с 1884 года Николай Федорович состоял одесским уездным, а с 1896 года – херсонским губернским предводителем дворянства и занимал эту должность до 1917 года. В дом Бжозовского он переехал с квартиры в Земском банке Херсонской губернии, что находился на Садовой улице, дом 3. Этот банк

был основан отцом Николая Федоровича,* а сам он был председателем правления этого банка с 1884 по 1896 года. На момент переезда Николай Федорович занимал в Одессе следующие должности: почетный мировой судья, директор от правительства в одесском Комитете попечительного о тюрьмах общества, гласный Городской думы (начиная с 1889 года), херсонский губернский предводитель дворянства, президент Императорского Общества сельского хозяйства Южной России, член Одесско-

Николай Федорович Сухомлинов

го особого Комитета попечительства о народной трезвости. Имел чин действительного статского советника. Будучи предводителем дворянства, Николай Федорович в доме Бжозовского же разместил и свою канцелярию.**

Откликнувшись на неудачную войну 1904-1905 гг., Николай Федорович вошел в Комитет по призрению детей, чьи родители погибли в войну с Японией. Позднее состоял в Одесском отделении Попечительства государыни императрицы Марии Федоровны о глухонемых и был председателем попечительского совета женской гимназии С.И. Видинской.

Начавшие в 1899 году регулярно издаваться справочники «Вся Одесса» позволяют нам проследить, что Николай Федорович проживал в доме Бжозовского как минимум до 1906 года, когда он переезжает в дом барона Михаила Александровича Рено на Французском бульваре, 15. Кстати, первое, что сделал Николай Федорович, переехав в дом Рено, было проведение туда электричества. Проживая же здесь, в доме Бжозовского,

* [wikipedia.org/wiki/Сухомлинов, Николай Федорович](https://wikipedia.org/wiki/Сухомлинов,_Николай_Федорович).

** Вся Одесса, 1901 год. Издание Фельдберга, с. 206.

Николай Федорович Сухомлинов в 1901 году был пожалован в камергеры высочайшего двора, 7 апреля 1906 года избран в члены Государственного совета Российской империи от дворянских обществ, а 7 октября 1909 года его переизбрали на девятилетний срок. В 1906-1917 годах входил в Постоянный совет Объединенного дворянства. В 1908 году был пожалован в гофмейстеры.

С 1909 Николай Федорович жил уже в собственном доме на Лидерсовском бульваре, 5.

В годы Первой мировой войны Сухомлинов входил в Романовский комитет для воспособления делу призрения сирот сельского населения. После октября 1917-го эмигрировал, умер в Париже в 1934 году.

На мой взгляд, очень достойный и интересный человек, незаслуженно забытый в истории Одессы, но почему-то дворец в его честь Сухомлиновским не стал, а стал «Шахским».

1906

Сухомлинов, по всей вероятности, был последний арендатор дома Бжозовского. Ивану Зеноновичу больше не удалось сдать свой одесский дом кому-либо, во всяком случае, это более не отслеживается по публикациям или иным документам.

1908

27 марта 1908 в Кракове умирает Иван Зенонович Бжозовский. Ему было 62. О нем, к сожалению, очень мало сведений, известна только упоминавшаяся уже его супруга Елена Генриховна, ур. графиня Грохольская. Кстати, ее мать тоже была Белина-Бжозовской, только из другой ветви рода. Детей у них было в общей сложности семеро, но две старшие девочки умерли в раннем возрасте, выжили Ядвига, Владислав, София, Анна и Тадеуш, или, по-русски, Фаддей.

Со смертью Ивана Зеноновича связан конфликт в семействе – увы, из-за наследства. Дело в том, что духовного завещания Иван Зенонович не оставил, но было заключено некое соглашение, по которому три сестры Бжозовские отказываются от наследования одесского дворца, получая взамен оговоренную сумму в качестве приданого, а одесский дом наследуют в равных долях Владислав и Фаддей Ивановичи. Отказ от притязаний сестер был соответствующим образом оформлен каждой путем подписания так называемых «рядных записей» – в 1896, 1899 и 1903 гг. соответственно. Все три сестры получили причитающиеся им суммы. Ядвига вышла замуж за графа Михаила Роникера, Анна – за графа Броель-Пляттера, а София осталась незамужней. Но отец умер, не оставив завещания, и «4 февраля сего года поступили в суд два прошения от поверенного графини Ядвиги Ивановны Роникер и присяжного поверенного Миодушевскаго, в которых он заявляет, что верительнице его выдел не произведен, что она от наследства никоим образом не отказывается и что, как видно из приложенной копии определения Седлецкого окружного суда по ипотечному определению, его верительница наравне с другими наследниками признана судом в правах наследства в $\frac{1}{5}$ недвижимого имущества в Царстве Польском».* Суд состоялся тогда же, в феврале, дело рассматривал Каменец-Подольский окружной суд. Приговор гласил следующее: наличие подписи Ядвиги об отказе от имущества подтверждено, таким образом, отказ подтвержден документально, а дальше – даже забавно: «что же касается признания графини Роникер в $\frac{1}{5}$ недвижимого имущества в Царстве Польском, то таковое признание, как состоявшееся... на основании Кодекса Наполеона, не имеет никакого значения». И правильно, Наполеон нам не указ. Суд указал, что братья Владислав и Фаддей Ивановичи Бжозовские «являются единственными наследниками умершего отца их Ивана Бржозовского».

В сентябре того же года спор был окончательно завершён определением Одесского окружного суда:

* ГАО 35-1-33772. О продаже двор. Владиславом и др. Бржозовскими графу Иосифу Шембеку двора в 1 части г. Одессы. Лист 7.

Исполнительный лист

По указу его величества

Тысяча девятьсот девятого года, сентября 10 дня Одесский окружной суд [...]

Вести Владислава-Ивана-Зенона-Генриха-Фаддея-Губерта Ивановича Бржозовского и Фаддея-Ивана-Станислава-Иосифа-Губерта Ивановича Бржозовского в общее владение унаследованным ими после умершего их отца Ивана-Евангелиста-Фаддея-Адама Зеноновича Бржозовского, именем находящимся в г. Одессе и заключающемся в дворовом месте с постройками, причем ввод с переводом запрещений произвести на основании настоящего определения и определении Каменец-Подольского окружного суда от 10/17 февраля 1909 г. по дарственной, утвержденной старшим нотариусом Одесского окружного суда 7 ноября 1886 г. по реестру № 1799. Определение это на основании 1426 ст. Уст. гражд. суд. изд. 1883 подлежит исполнению в шестнадцатый день сентября 1909 г. по указу его императорского величества, Одесский окружной суд приказал всем местам и лицам, до коих сие может относиться, исполнить в точности настоящее определение, а властям местным полицейским и военным оказывать содействие исполняющему определение судебному приставу надлежащее по закону без малейшего отлагательства».

Так мы, собственно, плавно подошли к концу эпохи Бжозовских в истории построенного ими в Одессе дома. Не найдя какого-либо клиента-арендатора для сдачи ему дворца на длительный срок и, видимо, не имея планов или деловых интересов в Одессе, братья Бжозовские решили одесский дом продать. Причем, судя по датам имеющихся документов, дом уже практически был продан к тому самому 16-му сентября, когда по указу его величества стал собственностью братьев Бжозовских.

Все произошло даже не в Одессе, а в Киеве:

«Тысяча девятьсот девятого года сентября двадцать второго дня явились ко мне, Николаю Григорьевичу Кольчевскому, киевскому нотариусу, в контору мою, находящуюся Дворцового участка, на Крещатике, в доме № двадцать пятый, лично мне известные и законноправоспособные к совершению актов: дворянин Владислав Иванович Бржозовский и австрийский подданный

Антон Людвигович Задора, живущие в городе Киеве: первый – по Крещатику, в гостинице «Франция», а второй – по Пушкинской улице, в доме № пятый». Доверенности имели оба. Доверенность Фаддея старшему брату начинается прелестно: «Любезный брат Владислав Иванович». В ней написано, что «Всему же, что вы на основании сей доверенности законно учините, я верю, спорить и преколовить не буду». Дана, кстати, эта доверенность в Проскурове 30 августа. Проскуров нынче – Хмельницкий. Доверенность от покупателя, графа Шембека, дана «в императорском российском консульстве во Львове восьмого/двадцать первого августа тысяча девятьсот девятого года». Из этого определенно видно, что уже в августе «покупщик» – именно так, а не «покупатель», – был известен.

Для совершения подобных сделок по закону должны были присутствовать свидетели. Они, конечно же, были, и показались мне любопытными: к киевскому нотариусу пришли Владислав Иванович Бжозовский и г-н Задора «в сопровождении лично мне (нотариусу. – С. К.) известных свидетелей: козака Макария Алексеевича Гордиенко, крестьянина Ивана Кондратьевича Иванова и мещанина Семена Михайловича Глушакова» – вот такие демократичные свидетели. Итак, эти господа-товарищи пришли «с объявлением, что они [...] совершают купчую крепость в нижеследующем»: дворовое место, в полном оногo составе, с количеством земли, как выше сказано, две тысячи семьдесят восемь целых и семьдесят шесть сотых квадратных сажен, более или менее, сколько окажется в натуре, со всеми на оном жилыми

Фаддей и Владислав Бжозовские
(Collection of Henryk Grocholski)

и нежилыми постройками, обзаведениями и службами, без всякого исключения», продают графу Иосифу Адамовичу Шембеку. Как видим, моя любимая приписочка «более или менее, или сколько в натуре окажется» с годами никуда не делась. Ну и, наконец, самое интересное – за сколько ж дом был продан: «А взял он, Владислав Бржозовский, для себя лично и для доверителя своего Фаддея Бржозовского от покупателя за то проданное ему недвижимое имущество триста тысяч рублей».*

Для совершения сделки были представлены документы о том, что «никаких фабрично-заводских или промышленных предприятий» на продаваемом участке «не существует». Интересно также, что для самого графа Иосифа Адамовича Шембека (Józef Szembek ze Slupowa h. wł. (13 XI 1858, Kulczyce – 1929, Poreba) эта покупка представляла, видимо, немалое значение, так как из доверенности, выданной во Львове г-ну Задоре, следует, что граф хорошо «распродавался» – он поручал продать целых шесть своих имений в Киевской губернии (причем одно даже вместе с сахарным заводом) и одно в Полтавской губернии. Эти имения достались ему после смерти его брата Цезаря Адамовича и, видимо, оказались ему не нужны.

К сожалению, мне нечего особо рассказать о новом владельце дома Бжозовских. Известно, что его родителями были граф Адам Шембек (1820-1865) и София Шимановская (1824-1862). Прожили они, как мы видим, совсем не долго, в отличие от деда, тоже Иосифа, прожившего 96 лет. Сам Иосиф Адамович в 1889 году женился на графине Людвиге Велопольской (Ludwika hr. Wielopolska z Zabelcza h. Starykoń). У них было трое детей – по семейной традиции, старшего звали Адам, кроме него были еще Александр и София. Согласно польской генеалогической базе данных «Genealogia potomków Sejmu Wielkiego», жены Владислава Бжозовского и Иосифа Шембека – четверюродные сестры, а они между собой – многократные родственники по разным линиям родства, в том числе и пятиюродные братья. Еще можно сказать, что граф Иосиф Адамович был удачлив. Но об этом позже.

* ГАОО 35-1-33772. О продаже двор. Владиславом и др. Бржозовскими графу Иосифу Шембеку двора в 1 части г. Одессы. Лист 3 – 4 об.

Кстати, согласно документам, сопровождавшим сделку, стоимость дома для уплаты налогов по-прежнему равнялась 60000 рублей. Сама же сумма налоговых платежей составляла 3002 рубля. Там же есть «удостоверение» от Одесского главного представительства «Варшавского страхового от огня общества», о том, что «строение г. Ивана Зеноновича Бржозовского, находящееся в г. Одессе по Гоголя (Надеждинской) и Приморской улице под № 2 представляют стоимость, по оценке Главного представительства, сто восемьдесят восемь тысяч пятьсот двадцать четыре (188524) рубля и застрахованы в сто восемьдесят тысяч (180000) рублей сроком по 30-е июня 1911 года» – вот и третья стоимость дома.

Как говорится, «а в это время на другом краю Земли...». В то же самое время, когда Бжозовские продавали Иосифу Адамовичу Шембеку свой родовой дом, в далеком Иране разгневанные жители свергли того самого персидского шаха Мохаммеда Али, благодаря которому в будущем, собственно, и родится всем известный народный топоним «Шахский дворец». 13 июля 1909 г. повстанцы вступили в Тегеран, 16 июля собрался Чрезвычайный национальный совет, который объявил о низложении Мохаммеда Али и о передаче власти его 11-летнему сыну Ахмаду. Мохаммед Али был вынужден скрыться в российской миссии в Зергенде, а затем и вовсе уехать в Россию.

О нем и его предшественнике со сказочным именем Насреддин-шах пишет в своих воспоминаниях Сергей Юльевич Витте: «О приезде в Петербург шаха персидского Наср-Эддина. Когда я был министром, в царствование императора... кажется, тоже его сын, который вследствие революции должен был покинуть престол и теперь живет в Одессе». Оказавшись в России, свергнутый шах решил обосноваться в Одессе. Он, кстати, не сразу выбрал себе резиденцию – вот что писала, например, харьковская (!) газета «Утро» от 14 августа 1909 года.

«Одесса. Резиденция б. шаха.

Вероятной резиденцией шаха персидского Мамеда-Али (именно так его назвали в газете. – С. К.) будет Одесса. В настоящее время (выбирается подходящая резиденция). Осматривались, между

ДОМЪ ВЪ ОДЕССѢ, МЕБЛИРУЕМЫЙ ДЛЯ БЫВШАГО ПЕРСИДСКАГО ШАХА.

Со снимковъ, доставленныхъ одесскимъ корреспондентомъ „Огонька“, Н. М. Вульфсономъ

Общій видъ дома

Везуть мебель...

Кабинетъ б. шаха.

Спальня б. шаха.

Публикация в журнале «Огонек»

прочим, дворец Воронцова на бульваре, дома Фальц-Фейна и Бжезовского на Надеждинской улице».*

Таким образом, у дома Бжезовского были достойные конкуренты. Но, вообще-то говоря, мне кажется, что вся эта срочная покупка графом Шембеком дома Бжезовских была, как бы мы сейчас сказали, «бизнес-идеей» – покупал он его именно с целью сдать бывшему шаху Ирана. В июле у того случились проблемы, в августе он уже был в Одессе, и в августе же Шембек выкупил

* «Утро», № 817, от 14.09. 1909, с. 5.

дом. Почему этим не захотели заниматься сами братья Бжозовские – не знаю. К сожалению, попытка выяснить что-либо у современных потомков Бжозовских ни к чему не привела.

«Известия Одесской городской думы», писали: «Окончательно нанято помещение для бывшего шаха Персии, о приезде которого в Одессу у нас на днях сообщалось. Бывшего шаха ожидают в Одессу в 20-х числах текущего августа вместе со своей свитой».

Вполне возможно, что не обошлось и без некоторой драматургии – например, заглянем в журнал «Огонек» за те же

даты конца лета 1909: он публикует материал «Дом в Одессе, мебелируемый для бывшего персидского шаха», о том, как бывший шах въезжает в свою новую резиденцию в Одессе. Но на фотографиях в качестве «общего вида дома» приведена фотография дома Фальц-Фейна, о котором говорили и в заметке газеты «Утро». При этом фотография с подписью «Везут мебель...» показывает портик парадного въезда дома Бжозовского. Так и видится, как шах со всей своей свитой и пожитками прямо перед домом Бжозовского, где его уже ждут, вдруг велит всей кавалькаде поворачивать направо, к Фальц-Фейнам. Управляющий Шембека или даже он сам бежит к шаху и скидывает цену. Шах, потеряв власть в Персии, одерживает маленькую победу в Одессе. Кавалькада заезжает в дом Бжозовского, и начинается разгрузка мебели...

Ну конечно, на самом деле никакого шаха и свиты вместе с мебелью не было, все решалось через уполномоченных лиц, и шах приехал лишь тогда, когда все было готово. Вот тут-то и появляются еще две фотографии интерьеров дома, о которых я упоминал ранее, – кабинет и спальня б. шаха.

Приехав в Одессу, как вы думаете, куда отправился свергнутый шах? Правильно, в тюрьму: «Сегодня бывший персидский шах Магомет Али подробно осматривал тюрьму. Его сопровождали градоначальник И.Н. Толмачев, камергер Г.Д. Батюшков, евнух и свита. Недавний повелитель Персии заявил, что русские тюрьмы красивее персидских дворцов. Магомет Али был очень удивлен, когда узнал, что в России арестантов кормят за счет казны...».*

1911

Шах развернулся в Одессе основательно. Помимо дома на Гоголя он еще снял себе дачу на Французском бульваре и, видимо, был не прочь провести здесь длительное время. Об этом говорит, например, следующая заметка в газете «Одесские новости» за февраль 1911 года.

«Проживающий во дворце персидского экс-шаха Магомета-Али (по улице Гоголя) бывший министр двора Сааб-Джан внес управляющему этого дома М.С. Мончевскому наемные деньги (5 т. р.) за второе полугодие.

Бывший шах, находящийся в настоящее время с семьей в Меране, предполагает вернуться в Одессу с наступлением теплой погоды, в начале апреля».**

Таким образом, понятна годовая сумма аренды, которую экс-шах платил графу Шембеку: 10000 рублей. Впрочем, шах был при деньгах, так как русское правительство решило платить ему пенсию. Но ему явно не сиделось на месте. Незадолго до этого, 26 октября 1910 г., он тайно выехал из Одессы в Вену, затем уехал в Италию и Францию, а 24 декабря прибыл в Берлин. И обещал вернуться. Но в это же самое время другая газета, «Одесские новости» писала совсем иное:

«К поездке бывшего шаха.

Лицо, близко стоящее к бывшему шаху Магомеду-Али, подтверждая наше сообщение о том, что бывший шах больше в Россию не возвратится, передает нам некоторые соображения,

* «Русское слово» от 20 (7) ноября 1909 года.

** «Одесские новости». 20.02.1911.

в силу которых Магомед-Али принял такое решение. После своего изложения бывший шах, получив приглашение поселиться в России, рассчитывал на содействие в определенном направлении дипломатических сфер в России. В действительности его надежды и ожидания не оправдались. Были моменты, когда, по мнению экс-шаха, русская дипломатия могла многое сделать для него, особенно во время свидания в Потсдаме, где, однако, интересы его были совершенно игнорируемы. Путешествие по Европе дало повод Магомеду-Али убедиться, что в лице Германии он может рассчитывать на расположение к его особе и судьбе. Кроме того, Европа произвела на шаха колоссальное впечатление в смысле культуры, благоустройства и всяческих удобств, о существовании которых он не имел представления. Все это вместе взятое привело шаха к решению оставить Россию.

Вероятнее всего, что бывший шах поселится либо в Дрездене, либо во Франкфурте. Договор на снимаемый им в Одессе дворец оканчивается в мае, и к этому времени бывший шах освободит занимаемое помещение.

За несколько месяцев своего путешествия бывший шах побывал в Австрии, Франции, Германии и Италии.

Окончательное решение оставить Россию бывший шах принял только в последнее время, когда уже был за границей.**

Эта заметка скорее похожа на мелкий шантаж со стороны шаха. На самом деле шах поехал любоваться не благоустроенностью Европы, а искать тех, кто поможет ему вернуть трон. Для русского правительства он был всего лишь одним из вариантов того, кто будет править Персией, – русские войска и так уже два года были в Иране, но его попытки вернуть трон грозили испортить отношения с другими странами. В том же феврале 1911 года британское правительство обратило внимание на попытки Мохаммеда Али вернуть трон. «Тогда министр иностранных дел С.Д. Сазонов заявил, что «его величество повторно предупрежден русским представителем, что если он будет замечен в интригах этой природы, он будет лишен пенсии». Он также обещал, что компетентные органы «повысят бдительность в прискмотре

*** «Одесские новости» № 8334 от 2.02.1911.

за Мохаммедом Али».* Однако с помощью России или с чьей-либо другой, но в том же году в июле шах высадился в Астрабаде (порт на юго-восточном побережье Каспийского моря) с военным отрядом и попытался пройти в Тегеран восстановить свою власть. К нему даже примыкали некие сторонники, но осенью 1911 его отряды были разбиты. Шах снова появился в Одессе, потому что благоустроенная Европа ему отказала.

1914

В 1914 году Одессу посетил император Николай II. Случилось это незадолго до начала общеевропейской катастрофы – Первой мировой войны, 2 июня 1914 года. Государь прибыл на своей яхте, красавце «Штандарте». Сопровождал императора командующий войсками округа. Окончив объезд пехоты и кавалерии, на обратном пути император проехал мимо приветствовавшей его криками «Ура!» публики. В дневнике императора осталась запись об этом дне: «Проснулся до 9 час. дивным утром, море было как зеркало... Почетный караул 59-го Люблинского полка... В нашем поезде проехали до главной станции, где был прием гражданских властей и депутатий... Войска представились в бодром и блестящем виде. Такая радость была увидеть снова чудные войска Одесского воен. окр. Вернулся с детьми на вокзал, где принял бывшего шаха персидского, и затем проехал по улицам Одессы в порт. Весь город и порт были красиво иллюминированы».

1915

В одном из документов, сопровождавших сделку, к которой мы подойдем чуть позже, была небольшая справка, в которой говорится следующее «На Иосифе Шембеке оказался наложен секвестр по постановлению главного начальника Одесского военного округа и генерал-губернатора от 18 января 1915 года за № 319.

* «Вестник Санкт-Петербургского университета: История, языковедение, литературоведение». Выпуски 1-4, с. 127.

Ст. ... 814». Никаких подробностей, увы, нет. Возможно, как это часто бывало, здание было занято под военный госпиталь – ведь шла Первая мировая... Во всяком случае, никаких последствий для будущей сделки это не имело.

1917

Неумолимо надвигалась смута. Бывший шах Ирана пережил переворот, лишивший власти приютившего его Николая II. Некоторое время он оставался в Одессе и даже организовывал самооборону. Вот что писали об этом Виктор Файтельберг-Бланк и Валерий Шестаченко: «21 декабря 1917 года на дворец персидского шаха Магомет-Али напало 20 вооруженных грабителей. Однако шах был предупрежден о нападении и организовал засаду из милиционеров. Так что бандитов встретил ружейный залп, который отбил у них охоту соваться во дворец».**

Тут я должен сделать некое отступление, указав, что я не могу с точностью сказать, что бывший шах персидский в это время продолжал проживать на Гоголя, 2. Вполне вероятно, что, оставаясь в Одессе, он переехал на новый адрес или имел еще один адрес помимо дачи и дворца. Новый адрес шаха – особняк Гижицкого, что на углу Белинского и Лермонтовского переулков. Во всяком случае, именно этот адрес приводит в качестве адреса шаха персидского справочник «Вся Одесса» за 1914 год.*** Так что где именно в эти годы проживал шах и где именно он организовывал оборону – вопрос дальнейших исследований.

1918

Было и так: «В памятные дни Январского восстания... 17.01.1918 отряды рабочих смелым штурмом взяли дворец»****

** Виктор Файтельберг-Бланк, Валерий Шестаченко. Бандитская Одесса. Двойное дно Южной Пальмиры. – Одесса: Астропринт, 1999, с. 398.

*** Вся Одесса на 1914 год. – Издательство «Одесские новости», с. 453.

**** К. Саркисян, М. Ставницер. Улицы рассказывают... (3-е изд., перераб. и доп.) – Одесса: Маяк, 1972, с. 104.

Надо сказать, что на этой фотографии, подписанной на немецком «Одесса. Замок графов Шембек», сам «замок» выглядит явно нуждающимся в хорошем ремонте как минимум фасадов. Здесь привожу ее фрагмент, чтобы можно было увидеть явные повреждения, возможно, случившиеся из-за описанного штурма.

Но нас в 1918 году куда больше интересует то, что произошло в октябре. А произошла, на мой взгляд, показательная история. Об удачливом графе и незадачливом бывшем студенте. Итак, по всей видимости, Иосиф Адамович граф Шембек, после того, что произошло в Петрограде и стало происходить в Одессе, решил, что ему хватит ждать дурных вестей оттуда. Польша к тому времени уже стала вновь независимой, и он себя прекрасно чувствовал в своем родовом имении в Порембе. Поэтому он решил продать свой дом, будучи в июне 1917-го в Киеве, зашел к своему знакомому и дальнему родственнику графу Плятеру, который – мельчает аристократия! – подрабатывал киевским нотариусом, и выписал доверенность на некоего господина Евгения Захарьевича Зотова, поручив ему продать его недвижимость. Поиски «покупщика», однако, затянулись почти на полтора года, пока наконец Евгений Захарьевич Зотов не нашел некоего молодого господина по имени Арнольд Владимирович Гальперин.

Об этом господине нельзя сказать ничего, кроме того, что ему можно посочувствовать. Что же мы все-таки о нем знаем? В купчей крепости, которая была подписана на Екатерининской, 2, в конторе у нотариуса Персицкого (шах, наверное, удивился его фамилии), говорится, что он пришел совершать сделку лично, что проживает он в гостинице «Пассаж» и что он... «окончивший курс юридических наук», то есть вчерашний студент. И вот этот самый студент покупает у графа прекрасный дом за – внимание! – «Продажа эта учинена за один миллион пятьсот тысяч рублей».* Да еще студент согласился оплатить почти все расходы по оформлению сделки... Что тут скажешь... Граф счастливо избавился от актива, который рано или поздно у него бы отобрали. А отобрали его уже у г-на Гальперина вместе с добровольно отданными полутора миллионами рублей. Студента, наверное, жаль.

Если абстрагироваться от незадачливого студента, то из документов по последней продаже дома видно, что участок земли под ним остался таким, как прежде, – две тысячи семьдесят восемь и семьдесят шесть сотых квадратных саженей, то есть ничего не докупалось и не продавалось. Именно об этой сделке я говорил, цитируя записку о том, что дом секвестрирован военными в 1915-м году. Там же есть последняя оценка его налоговой стоимости – 101200 руб. на 1 июля 1918 года, сами налоги исчислялись в совокупности в 3550 р. 92 к. Ну а Одесское главное представительство Варшавского страхового от огня общества сообщало, что дом застрахован у них на сумму в те же 180000 рублей, что и раньше, «сроком с 30 июня 1917 по 30 июня 1922 г.».

1919

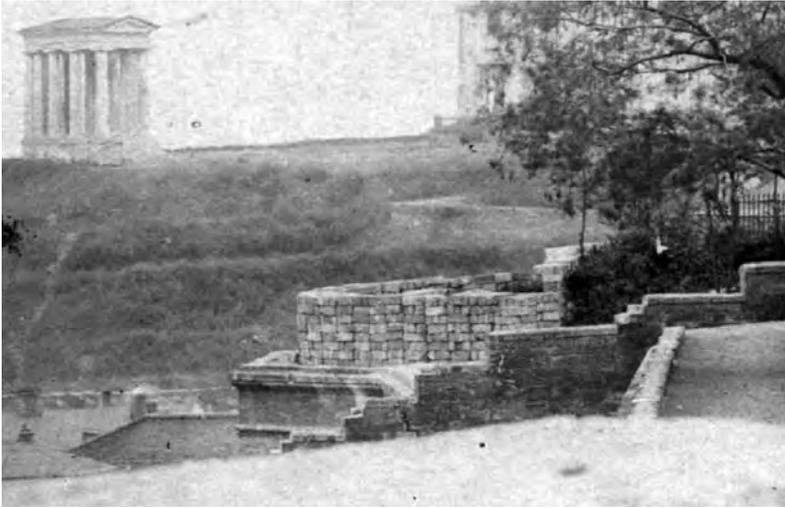
В 1919 году в здании размещался профсоюз моряков торгового флота. Организацией руководил Анатолий Григорьевич Железняков**.

* 35-1-63748. Дело Одесского нотариального архива. О продаже Иосифом Шембеком Арнольду Гальперину им. в Одессе.

** Н.П. Пустовойтенко. Увековечено в граните. Страницы истории революционной Одессы. – Одесса: Маяк, 1977, с. 41.

1920

На фрагменте фотографии, датируемой 1920-м годом, на террасе перед дворцом видны сложенные стеной камни, повторяющие обводы трапецевидного выступа террасы, – возможно, это некое военное сооружение для обороны. А возможно, просто стройматериалы привезли...

Фрагмент. 1920-й год. ОКМ Ф1455

Интересно сказать, что Мохаммед Али продолжал оставаться в Одессе вплоть до 1920 года. Но где он жил, когда там шли боевые действия, или моряки держали свой профсоюз, непонятно. Впрочем, в Одессе тогда все быстро менялось.

* * *

На этом, собственно, и заканчивается история дома Бжозовского – Шахского дворца как частного владения. Дальше была новая история Дома народного творчества, банка. Кому он при-

надлежит ныне, и какая его судьба ждет – неизвестно. Но это, как говорят, «другая история».

P. S. Покинув Одессу, Мохаммед Али вначале переехал в Стамбул, откуда затем переселился в Италию. В 1924 году в Сан-Ремо Мохаммед Али умер в возрасте 52 лет.

Через пять лет, в 1929 году, в родовом имении Поремба в тишине и спокойствии умер наш удачливый граф Иосиф Адамович Шембек. Другой бывший владелец дома, тот самый Фаддей Иванович Бжозовский, или, по-польски, Тадеуш Бжозовский, который наряду со старшим братом Владиславом был последним владельцем дома из семьи Бжозовских, погиб в 1944 году во время Варшавского восстания, умерев от полученных ран...

Судьба Арнольда Владимировича Гальперина, последнего владельца дома на Гоголя, мне неизвестна.

